

07/2009

"Россия в поисках своей роли в ближневосточном урегулировании"

Александр Шумилин

Краткое содержание:

Важной особенностью мировой политики сегодня стал тот факт, что практически все значимые события в современном мире прямо или косвенно проецируются на регион Ближнего Востока или точнее – Большого Ближнего Востока, включающего в себя и Центральную Азию с Закавказьем. Именно там сосредоточилась «гремучая смесь» из неурегулированных конфликтов, сопряженная с питательной средой исламистского терроризма и угрозами распространения ядерного оружия. Эта взрывоопасная смесь угрожает не только энергетической безопасности США и Европы, но и существующей системе военно-стратегических балансов в мире в целом. Россия при этом находится в поисках своей роли в ближневосточном урегулировании...

Об авторе: Александр Шумилин, кандидат исторических наук, руководитель Центра анализа ближневосточных конфликтов Института США и Канады РАН.

Ближневосточные конфликты оказывают сильное влияние на сегодняшнюю мировую политику. Взять хотя бы недавнее ядерное испытание в Северной Корее: отталкиваясь от него, анализ стратегов в Москве, Вашингтоне и Брюсселе мгновенно смещается в сторону Ирана. Как быть, если и муллократический Иран вскоре утвердит «свое величие» с помощью аналогичного испытания ядерного заряда?

Если в случае с Северной Кореей все еще действует механизм шестисторонних переговоров с достаточно высокой степенью согласия его участников, то ситуация вокруг Ирана выглядит, увы, иначе – согласованного среди крупных держав механизма гашения проблемы нет. Тактические расхождения между Европой и США (в том числе и при администрации Барака Обамы) с одной стороны и Россией, с другой, пока остаются весьма существенными, что несомненно создает поле для политических маневров нынешних иранских правителей радикального толка. Стратегически, заметим, упомянутые глобальные игроки согласны с тем, что Иран не должен обладать ядерным оружием (часть политической элиты России убеждена в этом вполне искренне!). Однако давно привычный расклад в подходах сторон таков: Россия призывает западных партнеров «не преувеличивать скорую перспективу ядерной угрозы из Ирана», не давить на педали санкций, которые якобы лишь укрепляют позиции радикалов в Тегеране; США и Евросоюз же стремятся быть последовательными в своем «критическом диалоге» с Тегераном – если этот диалог нарушается по вине иранской стороны, то принятие ранее заявленных санкций становится неизбежным. И не только санкций - не исключаются и мероприятия военного характера.

Между тем согласны крупные державы и с тем, что ядерная программа – только одна из угроз, исходящих от нынешнего иранского руководства. Другая угроза – откры-

тая поддержка Тегераном радикальных и экстремистских организаций, которые во многом и повышают градус военной напряженности в регионе (прежде всего палестинская ХАМАС и ливанская Хизбалла). Однако и в отношении этой угрозы проявляются явные тактические расхождения: Россия по-прежнему призывает к терпению и сдержанности в оценке действий упомянутых сателлитов Ирана, к необходимости «работы с ними дипломатическими средствами», к чему США и Евросоюз относятся с очевидным скептицизмом, предпочитая методы бойкота и санкций. Воочию разница в подходах проявилась в ходе недавнего визита главы российского МИД Сергея Лаврова в Дамаск, где он встретился среди прочих и с лидером ХАМАС Халедом Машаалем. Он пригласил его участвовать в готовящейся в Москве конференции по Ближнему Востоку, но только в составе единой палестинской делегации – то есть вместе с «закадычным другом» Машаала, официальным главой Палестинской автономии Махмудом Аббасом. Заведомо понятно, что такой исход нереалистичен в ближайшей перспективе. Против такой композиции палестинской делегации выступает и сам Махмуд Аббас, и правительство Израиля – переговорный партнер Аббаса. Об этом достаточно ясно заявил побывавший на днях в Москве глава израильского МИД Авигдор Либерман.

Действительно, если Иран все очевиднее становится главным источником напряженности в регионе (в плане наращивания ядерной угрозы и поддержки радикалов и экстремистов), то рационально ли проектировать мирную конференцию с участием его сателлитов, но не его самого? Но сесть за стол прямых переговоров с Ираном пока не готовы ни США, ни Израиль?

Между тем вопрос о проведении в Москве упомянутой конференции по Ближнему Востоку стал не только долгоиграющим пунктом в повестке дня российского МИДа, но и определенным ракурсом для высвечивания особенностей внешней политики сегодняшней России в целом и на Ближнем Востоке, в частности. Действительно, несмотря на поддержку этой идеи со стороны задействованных международных структур (ООН и «ближневосточного квартета»), сроки проведения форума сдвигаются уже который год. На данный момент российский МИД говорит о планах его проведения «до конца 2009 года».

Уместно вкратце напомнить историю вопроса. Впервые с идеей собрать основных ближневосточных и мировых «актеров» в российской столице выступил в 2005 году тогдашний президент Владимир Путин, затем идею «перехватила» администрация Джорджа Буша-младшего, проведя в ноябре 2007 года подобное мероприятие в американском Аннаполисе, что, впрочем, не отменяло заявленную встречу в Москве, правда, корректировало ее статус – из чисто российской идеи она уже воспринималась, да и заявлялась как «продолжение Аннаполиса». Важно, однако, что в ситуации вокруг данного форума как в капле воды отражается практически весь комплекс проблем, характеризующих политику России на Ближнем Востоке.

Заявленная цель конференции – содействовать продолжению миротворческого процесса, прежде всего, между Израилем и Палестиной, а также на других треках, а именно – сирийско-израильском и ливано-израильском. Такое расширение задач заведомо отличает будущий московский форум от Аннаполиса, который в основном был сфокусирован на палестино - израильской проблематике. Цель незаявленная – попытаться усилить политические позиции России в ближневосточном регионе, да и в мире в целом. Обе цели – заявленная и незаявленная – понятны, практичны и достойны похвалы, если речь идет о намерении и готовности достичь конкретных результатов, а не ограничиться видимостью таковых – ведь шаги, заведомо рассчитанные главным образом на внешний эффект, увы, все еще в арсенале российской дипломатии.

Важный вопрос, который возникает в этой связи: проектируется ли данная конференция Москвой как действенный инструмент ближневосточного урегулирования или как инструмент усиления глобального позиционирования России «через Ближний Восток»? Типичный ответ официального чиновника со Смоленской площади прозвучит в основном так: конечно же, конференция призвана подтолкнуть процесс ближневосточного урегулирования (по всем трекам), что будет способствовать снятию напря-

женности в этом регионе, улучшит международный климат в целом и тем самым создаст более благоприятные условия для проведения «миролюбивой внешней политики России». С такой оценкой можно в целом согласиться, но полезно при этом обратить внимание на ряд значимых нюансов.

Например, время выдвижения этой идеи Владимиром Путиным – 2005 год. Тот самый год «существенного перелома» во внешней политике РФ, когда сам президент и подчиненный ему МИД начали более активно акцентировать расхождения, а не точки согласия в своих отношениях с США и Европой. Во многом причиной такого поворота стало «разочарование» российского лидера результатами президентской кампании на Украине в конце 2004 года, когда победил «не тот кандидат», а именно – Виктор Ющенко. «Американо-европейский след» в этой кампании долго и весьма критически обсуждался в официальных российских СМИ в контексте «вредности для России цветных революций на постсоветском пространстве». Причем, важной зоной расхождений как раз и был избран Ближний Восток, куда (в Египет и Израиль) уже в апреле 2005 года отправился российский президент, как выяснилось, чтобы продемонстрировать намерение вернуться к «особым отношениям с традиционными партнерами нашей страны в регионе», под которыми, разумеется, следует понимать союзников СССР из числа радикальных арабских режимов. С той лишь поправкой, что многие из них уже давно утратили свой былой радикализм в силу трансформации режима (Египет) или его смены (Ирак). Но и в этих упомянутых странах достаточно живуче то, на чем не прочь, судя по всему, поиграть в Москве – антиамериканизм. Не удивительно, что в этом контексте в Израиле Путина встретили тогда не очень радушно – совсем не с тем горячим одобрением, с которым относились к нему в этой стране в начале 2000-х гг. Последовавшие за этим визитом укрепление отношений России с Сирией в военной области, громкое приглашение лидеров экстремистской палестинской организации ХАМАС в Москву (март 2006 г.), особая позиция России по ядерной программе Ирана – все это стало наглядным проявлением усиления «самостоятельной роли» России, а точнее – дистанцирования Москвы от Вашингтона и Брюсселя.

Ассоциация с советскими стереотипами ближневосточной политики напрашивалась сама собой, хотя и в новых условиях, когда российское руководство явно стремилось сочетать ближневосточную политику советского типа (ставку на радикалов) с задачей сохранения реальных позитивных приобретений последних десятилетий, а именно – конструктивных отношений с Израилем и умеренными арабскими режимами (прежде всего арабскими монархиями Персидского залива). Это и закладывало основы двойственности нынешней российской политики в регионе: делать открытую ставку на радикалов (Иран, Сирию, ХАМАС, Хизбаллу) – значит рисковать наработанными отношениями в умеренном лагере арабов и Израиле. Велик риск серьезных потерь, даже если и сильно желание «уколоть заокеанских миротворцев на Ближнем Востоке». Другой вариант: игнорировать особые отношения с радикалами – значит утратить инструмент особости, самостоятельности, а, может быть, и важнейшего аргумента в отношениях с США и Европой. Отсюда упомянутая двойственность, выражающаяся в попытках балансирования между противостоящими группами стран в регионе и чреватая рисками утратить доверие обеих конфликтующих сторон. Похоже, именно эта тенденция к утрате доверия и проявляется в связи с планами проведения ближневосточной конференции в Москве.

Те ближневосточные элиты, которые заинтересованы в реальных шагах по поиску вариантов урегулирования, а не в политико-пропагандистских маневрах, в основном без особого энтузиазма подходят к идее проведения московского форума. Во многом из-за «излишне широкого», по их мнению, формата мероприятия. Они предпочитают рассчитывать на конкретный результат, а не на факт «сбора за одним столом» представителей конфликтующих сторон. Такой сбор, заметим, может обернуться серьезными потрясениями, например, для элит Сирии и Ливана, где «арабская улица» и политическая оппозиция, несомненно, поспешат обвинить свои правительства в капитуляции и предательстве. Ведь именно так было всегда – даже в случаях, когда пере-

говорный процесс с Израилем завершился мирными соглашениями, что само по себе становилось аргументом в оправдание усилий участников переговоров.

Сегодня же израильтяне и сирийцы, равно как правительства Израиля и Ливана, не готовы к прямым переговорам, для успеха которых требуются основательные наработки, которых можно достичь лишь в условиях теневого (не публичного) общения. Именно это, кстати, стараются обеспечить американцы (напрямую или через Турцию), создавая время от времени условия для конфиденциальных встреч представителей Израиля, Сирии и Ливана. Вполне конкретные и ограниченные цели преследовались также в ходе прошедших «секторальных конференций» по Ближнему Востоку в Париже (в декабре 2007 года) и Берлине (в июне 2008 года).

На сегодня активным сторонником московской встречи (впрочем, уровень этой конференции уже официально понижен до глав внешнеполитических ведомств) заявляет себя умеренный палестинский лидер Махмуд Аббас, для которого это, несомненно, важно во имя утверждения своего лидерства в автономии в условиях противостояния с ХАМАС. Но эта установка скорее из разряда политико-пропагандистских, чем конструктивных, т.е. нацеленных на результат в плане урегулирования с Израилем. Израильтяне (и предыдущее правительство Ольмерта-Ливни, и нынешнее Биньямина Нетаньяху), разумеется, не прочь подыграть Аббасу, но в ином формате – не смешивая данное направление с проблемами своих отношений с Сирией и Ливаном.

Как видно, стать важным мировым актором, обеспечивающим прорыв в конфликтных узлах Ближнего Востока, роль весьма привлекательная для всех крупных держав. Сыграть ее пытается и Россия, стремящаяся укрепить свой имидж миротворца. «Гонорар» за такую роль на авансцене мировой политики резко дорожает после августовской войны в Грузии. Но делается это, похоже, без детального анализа реального положения вещей в ближневосточном регионе. Как показывает история с откладываемой конференцией, установки Москвы на усиление глобального позиционирования «через Ближний Восток» вряд ли реалистичны. Они предпринимаются, судя по всему не в то время, а, возможно, и не теми способами. Путь к успеху, как представляется, в постановке инициаторами конференции реалистичных, т.е. достаточно ограниченных целей, для решения которых потребуется опираться на консенсус глобальных игроков в ближневосточном регионе – США, России и Евросоюза.